

18+ Психология акробатики

Елена Штайнер
Сергей Баев

ИСПОВЕДЬ ЧЕМПИОНКИ

Издательский дом Helen Limonova

Елена Штайнер
Сергей Баев
Исповедь чемпионки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58120489

ISBN 9785005143464

Аннотация

Спортивная акробатика, как и любой другой вид деятельности, – это своеобразный срез общества. Какие проблемы в стране, такие проблемы и в спорте. Но если в социуме сложные взаимоотношения происходят между взрослыми людьми, то в спортивной акробатике одна сторона – дети до 17 лет, а другая – взрослые (тренеры, спортивные чиновники). То, как взрослый человек (тренер) сможет наладить контакт с ребёнком (спортсменом), скажется на дальнейшей детской судьбе.

Содержание

ИСПОВЕДЬ ЧЕМПИОНКИ	5
От авторов	5
ГЛАВА 1 ХАРЦЫЗСК. ВПЕЧАТЛЕНИЯ. ВОСПОМИНАНИЯ	8
Параграф 1. Город моего детства	8
Параграф 2. История образования города Харцызска	14
Параграф 3. Что такое Большой Харцызск?	17
Параграф 4. Первые впечатления. На могиле у деда Ивана	20
Параграф 5. Школа номер один	30
Параграф 6. Мой дом	34
Параграф 7. Железнодорожный вокзал	40
Параграф 8. Широкие улицы, жёлтые листья и голубые ели	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Исповедь чемпионки

Елена Штайнер

Сергей Баев

*Посвящается Евдокие Григорьевне
Бардачевой*

© Елена Штайнер, 2020

© Сергей Баев, 2020

ISBN 978-5-0051-4346-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСПОВЕДЬ ЧЕМПИОНКИ ПСИХОЛОГИЯ СПОРТИВНОЙ АКРОБАТИКИ

От авторов

Зачем я написала эту книгу?

Во-первых, я писала её исключительно для себя. Хотелось ещё раз окунуться в своё далёкое детство, снова почувствовать неповторимые эмоции тридцатилетней давности, не оставляющие меня до сих.

Во-вторых, хотелось показать на своём примере, что нельзя сдаваться. Какую бы тяжёлую травму вы ни получили, необходимо верить в себя, бороться до конца. Это особенно важно понимать юным спортсменам, занимающимся сейчас спортивной акробатикой. Спортивная акробатика – один из самых травматических видов спорта, поэтому родители, отдавшие своих детей в этот вид спорта, должны отдавать себе отчёт об их будущем.

В-третьих, своей книгой я рассчитывала объяснить некоторым упёртым, безжалостным, настойчивым тренерам, что их подопечные – не спортивные рабы, а личности; пусть пока ещё маленькие, несовершеннолетние, и нельзя выжимать

их как лимоны, а потом безжалостно выбрасывать. Не следует заставлять спортсменов, особенно молодых, тренироваться из-под палки, нельзя унижать их, противопоказано требовать от них невозможного. Такие горе-тренеры должны твёрдо уяснить, что любая травма – это не трагическая случайность, а подсознательная закономерность. Повреждение, а тем более тяжёлое, имеет, как правило, психологические основания, доминирующие над всеми остальными причинами.

В-четвёртых, не мешало бы дать оценку поступкам людей, сыгравшим свою роль в моей спортивной карьере и в жизни.

Я попыталась максимально честно поведать о том времени, когда серьёзно занималась спортом. В случае, если кто-то обнаружит некоторые неточности в изложении, то отнесите их на счёт моей забывчивости и некоторого художественного вымысла.

Даже если кто-нибудь найдёт себя в отрицательных персонажах, то знайте, что это моё личное мнение, которое я могу высказать в глаза любому.

Все действующие лица книги названы своими именами без каких-либо изменений.

Елена Александровна Штайнер (Лешукова).

В спортивной акробатике я абсолютно не смыслю ничего. Однако, психологические законы, по которым совершается взаимодействие тренера и его учеников в акробатике аналогичны для любых видов взаимоотношений.

Спортивная акробатика, как и любой другой вид деятельности, – это своеобразный срез общества. Какие проблемы в стране, такие проблемы и в спорте. Но если в социуме сложные взаимоотношения происходят между взрослыми людьми, то в спортивной акробатике одна сторона – дети до 17 лет, а другая – взрослые (тренеры, спортивные чиновники). То, как взрослый человек (тренер) сможет наладить контакт с ребёнком (спортсменом), скажется на дальнейшей детской судьбе.

Мне кажется, что данная исповедь именно, об этом. Интересно работалось над книгой с Еленой Александровной, которую я считаю легендарной советской акробаткой, сумевшей после серьёзной травмы вернуться в большой спорт. Надеюсь, эта книга – не последний наш совместный проект.

Баев Сергей Юрьевич.

ГЛАВА 1 ХАРЦЫЗСК. ВПЕЧАТЛЕНИЯ. ВОСПОМИНАНИЯ

Параграф 1. Город моего детства

Уже пятый час мы с мужем, вконец измученные долгой тряской, мчимся на огромном междугородном автобусе из тихого Симферополя в шумный Донецк.

Сначала намеревались пуститься в путь поездом, но билетов не оказалось, и поэтому едем автобусом. Такое путешествие даже интереснее.

Ощущения от передвижения на дальние расстояния, без всякого сомнения, зависят от вида транспорта. Когда двигаешься на машине или автобусе, то кажется, что каждый пройденный километр запечатлевается в твоём мозгу, как на цветной видеоплёнке; не то, что – когда летишь на самолёте, или плывёшь на корабле.

Что говорить, поезд тоже не вызывает ощущения пройденного пространства, поскольку долго глядеть в окно просто невозможно, глаза утомляются от мелькания бесчисленных столбов, унылых деревень и однообразных деревьев.

Итак, мы следовали в город моего детства, мы ехали

в Харцызск, находившийся всего в тридцати километрах от Донецка. Глазея по сторонам, лениво болтали – ни о чём, мельком дремали, потом снова болтали, и так по кругу. Автобус упорно наматывал километр за километром, а мысли мои с бешеной скоростью раскручивали назад клубок прошлого...

Уже 4 часа утра, глаза под наркозом песни шин слипаются; сна ещё нет, но ощущение реальности полностью потеряно. Психологи называют такое дремотное состояние трансом. Перед закрытыми глазами мелькают яркие картинки из далёкого детства, как слайды на экране...

Харцызск, ласковое лето, мне пять лет, я у бабули дома на бульваре Шевченко.

Окно кухни выходит во двор. Я расположилась на широком подоконнике вместе с горшком алоэ (это первый этаж) и беззаботно глазею в открытое окно.

Во дворе длинный ряд старых покосившихся сараев. Дверь бабушкиного сарая открыта настежь. В проёме двери присел на корточки мой дед Иван и возится со старым велосипедом. Я внимательно наблюдаю за ним.

– Дедуля, щё ты робишь?

– А, Алёнка, щё просто так дывишься? Иди сюды, помогай!

Я пулей вылетаю во двор и начинаю по мере сил помогать дедуле монтировать велик с моторчиком. Помощь заключается в том, что я подаю ему какую-нибудь гаечку или винтик.

Дед всегда хотел внука, поэтому воспитывал меня, как пацана. А когда мне исполнилось лет пять-шесть, дед учил меня драться.

– Если кто-нибудь тебя обидит, сразу бей в лоб. Заступайся за слабых и младших, – говорил мой дедуля, покуривая самокрутку, – Жалей кошек и собак, да и вообще любую животину, они ведь не могут всяким гадам ответить.

Так, в общем, я и поступала всю жизнь!

Глаза с трудом разлипаются. Изменённое состояние сознания медленно улетучивается, как утренний туман. Ещё темно. Мы подъезжаем к какому-то одноэтажному небольшому городку. А, вот теперь вижу, на маленьком автовокзальчике вывеска «Джанкой».

Можно, наконец, вывалиться из надоевшего автобуса, размять затёкшие ноги и выкурить желанную сигарету. Украинская ночь встречает нас зябкой прохладой, трескотнёй неугомонных сверчков и приглушённым тьяваньем разбуженных дворовых собак. Сентябрьский озноб загоняет нас назад в тёплый, родной, комфортабельный автобус, в коем мы живём уже шестой час. Здесь уютно и хорошо, вот так каталась бы всю жизнь!

Водитель ставит кассету, и по внутреннему пространству салона разливается мелодичный наркоз «Океана Эльзы». Некоторое время я наслаждаюсь звучанием настоящего украинского языка и вкрадчивым, мягким тембром Славы Вакарчука: «...Я не сдамся без бою...».

Глаза опять непроизвольно закрываются, и последнее, что я замечаю, цифры на больших электронных часах – 5:17.

– Эй, трусиха! Ты прыгаешь или нет?!

Тёплая донбасская зима. Много пушистого снега. Я забралась на крышу сарая. Внизу двое пацанов – мои дворовые приятели хохочут и тычут пальцами то на меня, то на сугроб. Мне шесть лет. И мне страшно сигануть с двухметровой высоты. Однако прыгать надо, иначе весь мой непоколебимый авторитет главной шухарилы двора улетучится в один миг. Причём необходимо не просто солдатиком нырнуть в снег, а ещё при этом исполнить сальто в воздухе.

– Ленка, ну! Давай!!! – кричит пацан, что постарше.

– Баранки гну, – отвечаю я с дерзким вызовом и, отчаянно шагнув в пустоту, делаю впечатляющее сальто. Прыжок и правда получился на славу!

На Харцызск редко наваливали снежные бураны, но в тот год сугробы намело больше метра. Да, той зимой дворовая ребятня отвела душу, насладились мягким снегом по полной программе.

В сугробах мы рыли ходы или лепили снежную бабу. Часто кто-нибудь из взрослых вызывался насыпать снежную горку, с которой мы скатывались на фанерках или просто «кучей малой». Конечно, я всегда считалась заводилой. Что поделать, ведь у меня мальчишеский характер; как сказал бы психолог, у меня мускулистый соматотип.

Я открываю один глаз и замечаю справа в окне автобу-

са первые признаки пробуждения солнца. Тонкая лента зари на горизонте буквально на глазах становится всё шире и шире. Ура! Мы, наконец, подъезжаем к Донецку!

Слева от дороги выстроились в ряд огромные терриконы, похожие на египетские пирамиды, полностью заросшие травой, справа тянется бесконечная территория металлургического комбината, дымящая трубами, а прямо над дорогой через каждые сто метров огромные баннеры с изображением мило улыбающегося нового царя и хозяина всея Украины, мелкого воришки – Януковича. Короче говоря, перед нашим взором открылся полный джентльменский набор сегодняшнего Донбасса.

Меня в тот момент радовало одно – через двадцать минут мы окажемся на автовокзале Донецка, пересядем в другой автобус, и ещё через столько же я прибуду на родину, в незабываемый Харцызск! Сколько же лет я отсутствовала в любимом городе?

Наверное, лет одиннадцать. С учетом разных событий, случившихся в моей непростой жизни (хороших, плохих и очень плохих), – можно смело утверждать, что пролетело сто одиннадцать лет.

Огромный ухоженный Донецк мы объезжаем краем с восточной стороны, следуем мимо грандиозной «Донбасс-Арены», и вот мы на автовокзале. Берём билеты на ближайший автобус до Харцызска, и уже через двадцать минут продолжаем увлекательное путешествие в моё прекрасное Детство.

Утренний Харцызск приветствует нас пустыми сонными улицами, провинциальной размеренностью и звенящей тишиной, характерной для маленьких городков. В таком месте хорошо жить, когда ты на пенсии – тихо, спокойно, нет мысли о больших городах, но только при одном условии – что пенсия составит 8 тысяч гривен, а не 800, как сейчас.

Прежде чем поделиться впечатлениями о Харцызске двадцать первого века, хочется кратко поведать о его героической истории.

Параграф 2. История образования города Харцызска

Итак, что собственно мне известно о городе своего детства?

Оказывается, ежели основательно подумать, то я довольно много знаю о нём.

Для кого-то родина – это страна, где родился; для другого – домик в деревне; найдутся люди, для коих родина – это весь мир, а я Харцызск считаю своей Родиной, причём Харцызск времён Советского Союза. Терпеть не могу людей, льющих помой, хающих, ненавидящих Советский Союз. СССР – это наша великая история, история и русских, и украинцев, и латышей, и грузин. На историю плевать и гадить нельзя, иначе у нас никогда не будет светлого будущего. Поэтому, раз уж представилась такая возможность, расскажу об образовании Харцызска как города.

Во-первых, почему город называется Харцызском, и кто такие харцызы?

Ещё в каменном веке в долинах рек Крынка и Ольховая, на Зуй-горе обитали древние люди. Вдоль реки Крынки, которая в те времена являлась довольно многоводной, проходил торговый путь с Северного Кавказа в Центральную Европу.

В средние века (от 14 до 18 веков) на этой земле сели-

лись кочевые племена ногайцев, подчинявшихся Крымскому ханству. В это же самое время около рек появляются поселения свободных и смелых людей, бежавших в поисках лучшей доли из Московии и Речи Посполитой. В основном это – донские и запорожские казаки, а также беглые крепостные крестьяне, разорившиеся дворяне. У этих смельчаков случались постоянные стычки с кочевниками – ногайцами, порой страшно кровавые. Часто ногайцы (турки и татары) сжигали целые деревни, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков.

Переселенцы ожесточённо и отважно сопротивлялись; верховодил ими смелый, но невероятно жестокий предводитель, по имени Харцыз. Именно поэтому и прозвали этих смелых людей харцызами, что в переводе с татарского означает «разбойники».

Однако должна заметить, что данное слово совсем не означает «грабители» (в Донбассе, к сожалению, по своему незнанию многие люди трактуют харцызов именно как грабителей и бандитов): «харцызами», иногда «харцызьяками» называли свободолюбивых людей, не подчинявшихся ни крымскому хану, ни турецкому султану.

Поскольку местные жители именовались харцызами, то, естественно, их поселение стали в последствии называть Харцызском. В 18 веке произошла русско-турецкая война, в результате которой большая часть территорий так называемого Дикого Поля (это Харцызск и его окрестности) вошла в состав Российской империи.

Россия построила надёжную оборонительную линию, проходившую по Зуй-горе, и набеги недружелюбных южных соседей сошли на нет.

Про отважного атамана Харцыза и его сподвижника Зуя сложено немало удивительных легенд. В народе бытует весьма интересное сказание об огромной пещере с несметными сокровищами на Зуй-горе, однако её ещё никто не нашёл, хотя искали многие...

Параграф 3. Что такое Большой Харцызск?

Я много раз сталкивалась, как на Украине, так и в России, с тем, что люди вообще понятия не имеют, что на Украине существует город Харцызск. Знают Зуевку, Иловайск, слышали о Зугресе, но все абсолютно не в курсе о Харцызске. Согласитесь, что для уроженки этого городка такое отношение к Харцызску довольно обидно и крайне несправедливо. А между тем и Зуевка, и Иловайск, и, естественно, Харцызск входят в территориальное образование – Большой Харцызск. Хочется поведать кратко о городах Большого Харцызска, вернее, об истории их образования.

Во второй половине 18 века эти земли вошли в состав Войска Донского и к концу века начали интенсивно заселяться. Бывшему атаману Войска Донского А. Иловайскому царь отдал во владение земельный надел, где его наследники основали поселение Зуевку, а через некоторое время – слободу Харцызскую, отдавая таким образом дань памяти Харцызю и Зую.

В 19 веке началось строительство железной дороги Курск – Харьков – Азов. Недалеко от слободы Харцызской решили построить железнодорожную станцию, названную Харцызской. Немного южнее по железнодорожной ветке, на месте разъезда, также возникла станция, названная

по имени хозяина окрестных земель графа Иловайского. Станция понемногу разрослась в город Иловайск. Такова немудрёная история образования Иловайска. А на месте Зуевки через какое-то время вырос современный большой город Зуевка.

Во второй половине 19-го века в окрестностях Харцызска обнаружили залежи каменного угля. Месторождение принялись интенсивно разрабатывать. Пристанционный посёлок стал постепенно расти и развиваться. В нём запустили механический завод, котельно-механический завод, который с 1914-го года называется трубным. Построили также две паровые мельницы, ввели в строй кирпичный завод. Кроме того, в посёлке действовала двухлетняя железнодорожная школа и бурса. Как видите, Харцызск – это не только добыча угля, но и интенсивное развитие промышленности.

Кстати, некоторые историки утверждают, что Харцызск – это Донбасс в миниатюре. Вот такой он, город моего детства.

Теперь несколько слов о Зугресе. После Гражданской войны недалеко от Харцызска началось строительство Зуевской ГРЭС, длившееся семь лет.

В конце 1931-го года электростанция дала развивающейся промышленности первый ток. Введение в эксплуатацию ГРЭС обеспечило электроэнергией практически весь Донбасс. Рядом с электростанцией возник рабочий посёлок, разросшийся впоследствии и превратившийся в город Зугрес.

Это, в общем, всё, что я знаю и хотела рассказать об ис-

тории городов Большого Харцызска.

Можно ещё долго рассказывать об истории города в послевоенное время, но это не входит в мою задачу. Если кто-то захочет больше узнать о Харцызске, то можете посетить замечательный краеведческий музей или почерпнуть информацию из Интернета.

Вернёмся к моим ощущениям от встречи с любимым Харцызском, городом моего детства и юности. Сразу хочу заметить, что впечатления и эмоции оказались весьма противоречивыми.

Параграф 4. Первые впечатления. На могиле у деда Ивана

Тот, кто по каким-либо причинам уезжал из родного города на долгие годы, а потом возвращался, наверняка поймёт шквал эмоций, переполнявших меня. Чем меньше населённый пункт, откуда вы укатили, тем больше ощущений, поскольку в маленьком городке нет, наверное, ни одного квадратного сантиметра, где не ступала бы ваша нога. А теперь все эти родные, до боли знакомые сантиметры, так или иначе, кардинально изменились...

Стою на площади около маленького автовокзала, возбуждённо оглядываюсь по сторонам и искренне удивляюсь: «Почему меня никто не узнаёт?»

«Земляки, это я, ваша Лешучка! Я вернулась!», – хотелось крикнуть на весь квартал, да что там – на весь город.

Слёзы с обидой наворачивались на глаза, ведь никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Я стала чужой среди своих, чувствовала себя предательницей родных мест, друзей, родственников и знакомых, сбежавшая сразу после школы сначала в многолюдный Харьков, потом в жаркую Среднюю Азию, а затем в солнечный Израиль. На все вынужденные путешествия, невероятные приключения, ужасные трагедии и серые будни потрачена уйма времени. Я исчезла из родного города почти на тридцать лет!

А Харцызск всё это время жил своей размеренной жизнью: рождались и умирали люди, спивались и сходили с ума бывшие афганцы. Старики-пенсионеры и другие малоимущие граждане голодали в годы так называемой перестройки, молодые парни и девчата корчились от наркотической ломки, беспредельничала братва (в погонах и без), и куражились новые хозяева жизни. Интересно, остался ли здесь хоть кто-нибудь из моих одноклассников, и чем они занимаются; быть может, большинство уже спокойно спят в своих могилах на огромных кладбищах вокруг города?

Ладно, сколько можно торчать на месте и вертеть головой по сторонам в водовороте нахлынувших эмоций, пора бы и прогуляться по родным, дорогим, милым улочкам.

Первое, что бросается в глаза – обилие дурацкой, никому не нужной рекламы, наверное, являющейся двигателем торговли, но только в том случае, когда у населения имеются деньги, чтобы покупать всё то, что восхваляют и предлагают. Невольно замечаю, что кругом одни рынки – большие и крошечные, официальные и хаотичные, грязные и не очень. Такое впечатление, что всё население от мала до велика ринулось торговать. Полагаю, что большое количество базаров на такой небольшой городок, как Харцызск, является первым признаком того, что заводы и фабрики давно не работают, а лежат на боку.

Кроме многочисленных базаров (мы гуляли по городу два дня, хотя его можно запросто обойти за два часа), коих мы

насчитали аж 32, повсюду множество магазинов, огромных и величиной с квартиру, называемых теперь бутиками.

Кстати, в переводе с французского «бутик» – третьесортная вонючая лавка, в которую уважающий себя гражданин не заходит. Однако кому-то когда-то понравилось иностранное слово, и оно пошло гулять по просторам бывшего СССР. Эти неказистые магазинчики с хамоватыми продавцами переделаны из квартир и закутков, расположенных на первых этажах. Это надо же до такого додуматься?

Можно, конечно, ещё долго шататься по улицам моих воспоминаний, умываться горючими слезами, наслаждаться нахлынувшими эмоциями, но у меня есть вполне конкретная цель – кладбище, где покоится дед Иван, любимый дедуля, которому я сорок лет назад помогала собирать велик с моторчиком.

Надо обязательно посетить и ещё одно кладбище, где похоронен отец.

Дедово кладбище раскинулось многими гектарами около шахтёрского посёлка Коммунист, на окраине города. Если двигаться туда пешком, то выйдет часа полтора, если же добираться автобусом, которого надо ждать очень долго, то минут десять-пятнадцать, ну, а ежели взять такси, то всего пять минут. Поскольку время пребывания в Харцызске у нас резко ограничено обилием мест, где хотелось бы побывать, мы выбрали третий вариант – такси. Поэтому следующим неожиданным эмоциональным впечатлением является вере-

ница свободных машин с импровизированными шашечками, стоящих вдоль дороги рядом с автобусной остановкой.

Ожидающих автобус много, а на стоянке такси – пусто и тихо. Наверное, на такси добираться в десять раз дороже?

До Коммуниста на автобусе – 6 гривен, на такси – 20 гривен. Народ ждёт автобус, сберегая каждую копейку своего скудного бюджета.

Подходим к первой машине; перед нами старенький «Жигуль» не первой свежести. Основная масса машин, ожидающих клиентов, именно «Жигули» двадцатилетней давности.

Водитель, усталый от ожидания клиентов мужичок лет сорока, сидит с закрытыми глазами, и кажется, спит со вчерашнего дня.

– Добрый день, нам на кладбище, то, что около Коммуниста, и, если можно, нас там подождите с часок, а потом, привезите назад, – вежливо обращается муж к частному извозчику.

Мужчина вздрогнул, как пойманный на посту уснувший часовой, широко открыл заспанные глаза, будто увидел Деда Мороза с подарками, и с надеждой произнёс:

– Конечно, с большим удовольствием!

Мы неспешно загрузились в потёртую «Жигу» пятой модели и осторожно двинулись в сторону посёлка. Через пару кварталов асфальтированная дорога перестала выглядеть таковой, и теперь представляла собой просёлочную, с огромными рытвинами и буграми, ухабами и ямами. Совершенно

точно: эту дорогу ремонтировали последний раз ещё тогда, когда на троне восседал Горбачёв. Однако таксист предельно аккуратно и мягко вёл машину, как будто транспортировал саму королеву Великобритании; а может быть, ещё и оттого, что мы стали его первыми клиентами за последнюю неделю.

Возможно, на наших лбах приклеена надпись, что мы иностранцы; поэтому пронизательный водила, почти психолог доморощенный, задал провокационный вопрос:

– Откуда вы приехали?

Муж молчит, видимо, ему не хочется разговаривать с незнакомым человеком в чужой стране и в чужом городе. Но я ведь в родном городе, пусть даже и давно здесь не появлялась.

– Мы из Израиля. Я тут родилась и жила до восемнадцати лет. Вот, ностальгия замучила, решили приехать. Вообще ничего не узнаю. Всё так изменилось, – говорю я.

– Да уж.., – глубокомысленно произнёс водитель и ровно через две секунды принялся жаловаться на хреновую жизнь, отсутствие работы, при этом поливая помоями правительство, а заодно Витю и Юлю...

Хочу заметить, что все без исключения люди, с кем я общалась здесь, пели примерно одну и ту же горькую песню: ни слова радости и оптимизма, ни намёка на хорошую жизнь.

Таким образом, мы довольно скоро добрались до Коммуниста. Слева возвышался когда-то элегантный, с колоннами, ДК шахты «Коммунист», а теперь полуразрушенный при-

зрак. Справа дышала на ладан единственная в этих краях действующая угольная шахта; видимо, доживающая свои последние дни.

Вот тогда первый раз у меня возникло щемящее ощущение полной разрухи, умело прикрываемой чиновниками всех уровней. В этой связи вспоминается высказывание мэра о том, что Харцызск – самый бурно развивающийся город во всём Донбассе. Я ему категорически не поверила на слово и оказалась права.

Итак, прямо перед нами распахнуты центральные ворота кладбища. Таксист остановил машину и твёрдо пообещал ждать нас столько, сколько нужно.

Не знаю, работали ли здесь специальные служащие, следящие за порядком: те, что подметают аллеи, убирают накопившийся мусор, сжигают сухие листья? Но на этом кладбище явно штатное расписание оказалось урезано до минимума, если не до нуля. Грязь и кучи всякого прошлогоднего барахла, старые венки и сгнившие деревянные надгробья вызывали гнетущее впечатление.

Кладбище выглядело невероятно огромным, со множеством свежих захоронений. Бросалось в глаза большое количество шахтёрских могил, появившихся сразу на следующий день с начала освоения месторождения угля.

Поскольку я давно не была на могиле у деда Ивана, то предполагала, что возникнут трудности с её поиском. Однако мои предчувствия, к счастью, не оправдались.

Я примерно знала участок где он похоронен, а это уже половина дела. Дойдя до нужного квартала, я повернулась и, как под гипнозом, направилась к могиле деда. Как это у меня получилось, до сих пор не пойму?

На старой могиле стоял скромный железный памятник, такой же, как у большинства.

Ну здравствуй, дедуля. Слёзы наворачивались на глаза и хотелось выть...

Дедуля стоял перед глазами, словно живой, и с укоризной смотрел на бабу Дуню, намеревавшуюся шлёпнуть меня за какую-то проказу.

«Только попробуй тронь Алёнку», – стоял в ушах его мягкий и одновременно твёрдый голос. В общем-то, если честно, то дедушка и бабушка не наказывали меня никогда, во всяком случае, я этого не помню.

Мы основательно прибрали могилку: помыли запылённый памятник, вырвали выросшие сорняки, поставили в воду привезённые цветы. В общем, сделали всё, что обычно делают люди в таких местах.

– Извини дедуля, что я такая сволочь, редко бываю на твоей могиле, – шептала я.

Ну вот, опять слёзы рекой, сердце бешено заколотилось, всплеск нахлынувших эмоций и лавина воспоминаний. Потом, сдерживая слёзы, я поведала дедуле, как живу и где мой дом, как моя семья, и какие славные у меня сыновья, где работаю и кто мой муж. Краем глаза я взглянула на мужа.

Мы живём вместе уже семь лет, а я всё ещё до конца не могу понять, почему он так трепетно и с уважением относится к моим родственникам, живым и мёртвым, ведь он их совсем не знает, а дедулю вообще не видел никогда?

Помянув дедулю, мы по традиции выпили по стаканчику вина, чем-то закусили, покурили, молча постояли несколько минут, опять покурили и двинулись медленным шагом к выходу. К моему удивлению, такси стояло на том же месте, как приклеенное.

Мы молча загрузились в машину и отправились назад в город.

Гнетущее ощущение несправедливости от того, что у меня нет возможности навещать деда чаще, не проходило; в горле стоял ком не сказанных в детстве любимому дедуле нужных слов. Я слишком увлекалась акробатикой, совсем мало времени проводила с дедом и совершенно не задумывалась о том, что он не вечный.

Какое счастье, что у меня до сих пор жива баба Дуня, хотя ей уже далеко за девяносто.

Заметив моё состояние, таксист не лез в душу с разговорами, а просто протянул визитку со словами:

– Если вам понадобится машина, звоните в любое время дня и ночи.

Муж дал водителю сто гривен, чему тот оказался несказанно рад, и мы распрощались.

Сделав большое, важное для меня дело, можно теперь за-

глянуть в родную школу, где я училась, расположенную в самом центре города, недалеко от дома, где я жила. Предстояло ещё одно волнующее, трогательное событие для моей издёрганной нервной системы.

Почему человека тянет в места его детства? Каков глубокий смысл встречи с детским садом, куда ходила, или посещение школы, где я, если по-честному, считалась круглой троечницей и совсем не хотела учиться?

А зачем так необходимо встретить хотя бы одну учительницу из моего детства?

Думаю, что ответы на эти непростые вопросы не такие уж однозначные.

Не стану философствовать обо всех людях, поделюсь лишь своим пониманием данного феномена. Лично меня, Елену Лешукову (Штайнер), тянет в места моего детства только потому, что я хочу ещё раз окунуться в атмосферу ярких, волнующих, незабываемых ощущений, в то время, когда все мои друзья и одноклассники были рядом!

Конечно, в каждом возрасте свои яркие впечатления и положительные моменты, но то, что я переживала в детстве, кажется самым запоминающимся и важным.

Быть может, именно по этой причине я смутно помню время, когда мне исполнилось 25—30 лет, но детство помню отчётливо.

Параграф 5. Школа номер один

Что касается школьных лет, то шестой, седьмой, восьмой классы вспоминаю смутно, а вот девятый и особенно десятый стоят перед глазами, как будто всё происходило вчера...

Тут я немного соврала, поскольку и восьмой класс помню отчётливо, ведь в это время у меня случилась серьёзная травма, наложившая отрицательный отпечаток на всю мою жизнь.

Шагаем по улице Октябрьской в сторону школы, а дальше – дом, где я жила.

Что, если школы уже нет и моего пятиэтажного панельного дома тоже нет? Может статься, их снесли по старости? Возможно, на месте школы построили очередной никому не нужный роскошный банк для отмывания наворованных денег, или красивый торговый центр для наглых нуворишей и их тупых жёнушек?

Чего это я вдруг такая злая??

До школы ещё метров двести, волнующих, мучительных двести метров.

О! Ура! Она на прежнем месте, как новенькая, скорее всего, летом сделали капитальный ремонт. Придётся новым хозяевам жизни, ворюгам всех мастей, подождать ещё лет двадцать, чтобы заполучить выгодное место в центре города...

Первое сентября 1974-го года. Я топаю в первый класс

в нарядном белом фартуке, с огромным букетом цветов. Мама крепко держит меня за руку, не давая убежать в новую школьную жизнь.

– Ну егоза! Лена, ты можешь идти спокойно? – говорит мама, но видно, она тоже волнуется.

Что меня ждёт в школе? Кто они, новые друзья – одноклассники? Как сложатся школьные годы? Кто она, первая учительница? Вопросы, вопросы, вопросы.

Мою первую учительницу звали Зоя Фёдоровна, она оказалась, стервой редкостной, антипедагогической личностью, делающей всё возможное, чтобы отбить всякое желание учиться, и не только у меня. Наверное, не следует так высказываться о своей первой учительнице, но таких «педагогов» на километр нельзя близко подпускать к школе, к воспитанию детей, особенно самых маленьких.

Я всегда считала, считаю и буду считать, что учитель – это призвание, данное далеко не каждому, это – талант, подаренный Богом. Тем более, когда речь идёт о первой учительнице, прививающей любовь к учёбе, к знаниям, к размышлениям.

Как прививала любовь к учёбе Зоя Фёдоровна? Её педагогические методы выглядели просто идиотскими. Она запросто могла наорать на ученика, используя грубые слова или унизить его фразой: «Ты двоечник, потому что у тебя отец алкаш».

Иногда, в целях поддержания надлежащего порядка

в классе, она применяла указку как орудие действенного наказания. Этой указкой доставалось по рукам и спине особо гиперактивным детям.

Сейчас, наверное, она на заслуженном отдыхе и терроризирует своих внуков, а может быть, благополучно впала в старческий маразм и уже никого не достаёт своим назойливым воспитанием. Может быть, может быть.

Если вдруг она ещё преподаёт и я случайно встречу её в школе, то в лучшем случае сделаю вид, что не узнала, а в худшем – выскажу этой... всё, что о ней думаю. Ладно, Бог ей судья.

Между прочим, я сама хороша. В начальных классах возомнила себя великой спортсменкой, уроки не делала вообще, а в классе – витала в облаках, думая только о том, как правильно выполнить акробатический элемент на тренировке.

Не знаю, что оказалось большей причиной моего нежелания учиться, – моя безграничная любовь к спорту или безграничная нелюбовь к первой учительнице.

В детстве школа казалась мне огромным, высоким зданием, а теперь вижу маленький двухэтажный свежевывкрашенный домик, больше похожий на районную администрацию. На фасаде над парадной дверью висит табличка, где чёрным по белому написано, что это действительно средняя школа номер один города Харцызска, Донецкой области, республики Украина.

По каким-то неясным причинам парадная дверь закрыта,

поэтому мы зашли со двора. Очевидно, мы попали на перемену, поскольку по двору носились ученики разных классов.

На территории школы располагался, как и прежде, всё тот же небольшой стадиончик, на котором я за всю свою спортивную карьеру намотала, наверное, тысячи километров, а вот здание спортивной школы не сохранилось, его снесли. И правильно сделали, ведь спортзал там был маленький и неудобный. Недалеко от школы построили новый учебный корпус в четыре этажа. Здесь, во дворе, я встретила учительницу, преподававшую нам в шестом классе ботанику. Она выглядела озабоченной, в глазах страх, одета весьма скромно и старомодно.

– Я Лена Лешукова, училась здесь, ещё акробатикой занималась? Помните меня?

Учительница с трудом меня узнала и через две секунды забормотала о проблемах, о том, как всё плохо. Кажется, я это уже слышала сегодня.

Параграф 6. Мой дом

От школы до дома пять минут ходьбы по этой же Октябрьской улице; даже дорогу переходить не надо.

Вот и дом, где я родилась, провела счастливое детство (мне хочется верить в то, что детство моё оказалось счастливым) и бурную юность, точнее, начало юности.

Мой дом сейчас – это обшарпанная, грязная крупнопанельная четырёхподъездная коробка, как теперь говорят, хрущёвка; но от того, что дом в таком плачевном состоянии, он не кажется мне хуже, поскольку на внешний вид я не обращаю никакого внимания. В любом случае, я люблю этот дом, ведь здесь пролетело самое прекрасное время жизни – детство!

Во внешнем облике дома замечаю кое-какие существенные изменения, чётко указывающие на то, что жизнь и люди изменились, и кстати, далеко не в лучшую сторону. Ну, прежде всего, во всех подъездах поставлены массивные железные двери с домофоном. Можно подумать, что квартирных воров такая предосторожность остановит. Мой подъезд третий, дверь наглухо закрыта. Поэтому, войти не удаётся.

Ладно, поторчу на крылечке, как бедная заблудшая родственница.

Далее, весь первый этаж, окна и балконы заделаны решётками. Получается, что тот, кто обитает на первом этаже, еже-

секундно ощущает себя эком на зоне, наблюдая небо в клеточку. Выходит, у этих людей постоянно гнетущее состояние, наверное, на грани депрессии. Неужели развелось столько квартирных воришек, что необходимо везде ставить решётки?

В моё время всё было открыто: и форточки, и окна, и балконные двери, несмотря на то, что народ в нашем городе проживал разный; много бывших уголовников, мелкой шпаны и отпетых воров.

Ещё одно наблюдение: с торца дома, там, где находился вход в подвал, какой-то ушлый коммерсант пристроил магазинчик с традиционным нехитрым ассортиментом: молоко, хлеб, водка, пиво, сигареты. Конечно, этот предприимчивый торгаш напрочь испортил своей пристройкой общий фасад дома; но кого сие волнует, он же занёс кому следует за разрешение, да и липовые сертификаты на все продукты у него в порядке. А то, что водка в лавке бодяжная, и это видно невооружённым глазом, а сыр давно зелёный, – это никого не интересует, он же договорился с братками в погонах, чтобы его не трогали. Короче, капитализм с волчьим оскалом.

Вот таким, изменившимся и неказистым, выглядел сейчас дом моего детства.

– Да, бедняга. Когда же тебя последний раз ремонтировали?

Между прочим, информация для тех, кто не любит советскую власть – при коммунистах крупнопанельные дома кра-

сили как снаружи, так и в подъездах каждые два года, причём бесплатно!

Вот он, наш балкон на третьем этаже. Летом я всегда там спала, даже тогда, когда была совсем маленькая. Ежели на полу балкона постелить матрас и лечь на спину, то можно наблюдать за звёздами, спутниками и мечтать, представляя себя маленькой принцессой, живущей на одной из этих планет.

На той планете нет жестоких людей, нет старой бабки, папиной мамы, ставившей меня всегда в наказание в угол на колени, насыпая на пол рис или горох, пока никого не было дома.

На той планете нет злющей училки, утверждавшей, что мой папа – пьяница. Там нет старших, хулиганистых мальчишек, так и норовящих обидеть малышкой.

Полететь бы на одну из этих планет, и чтобы там построили большой спортзал с батутом, на котором можно прыгать сколько хочешь, и чтобы бабуля с дедулей там тоже жили, а дедуля каждый вечер читал бы мне сказки, и чтобы...

Звёзды улетали ввысь, а свежий, особенный летний воздух наполнял лёгкие, и я засыпала после тяжёлого, насыщенного и полного детских забот дня.

Мне нравилось спать летом на балконе. Кругом уютная тишина, цикады, не смолкая, стрекохут, листья таинственно шуршат, и не надо препираться с сестрой Светкой из-за кукулы.

Вечерами во дворе нашего дома всегда становилось довольно шумно. Под большим абрикосовым деревом находился деревянный стол со скамейками, где взрослые забивали козла, запивая удачный ход дешёвым винцом, при этом смакуя нехорошие слова под всеобщий хохот и веселье. Иногда перебравшие лишнего разгорячённые игроки затевали пьяную ссору, но их решительные жёны тут же улаживали конфликт посредством изоляции буянов, и быстро уводили их домой. Таких столов в нашем дворе стояло три или четыре, я точно не помню.

Если за одним столом проходил чемпионат двора по домино, то в другом углу двора наши мамы и бабушки весело играли в лото.

– Барабанные палочки!

– Дальше!

– Дед!

– А сколько ему лет?

– Девяносто!

– Дальше тяни, да не подглядывай!

– Ой, у меня середина! Давайте, девчата, добавляйте по копейке.

Там же во дворе была огромная песочница, где всегда собиралось полно ребятни.

– Отдай мой совок!

– А ты отдай мою машинку!

– Гляньте, рыжий к нам идёт!

– Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой!

– Ленка, давай с тобой дружить, а то Ритка мне уже надоела, она такая...

Дети постоянно носились, как угорелые, играя то в латку, то в казаков-разбойников.

Так продолжалось часов до девяти, после чего начиналась ежевечерняя переключка, собирающая детей по домам:

– Рита, домой!

– Света, ну-ка быстро поднимайся!

– Ира, давай скорее, «Спокойной ночи малыши» начинается!

– Саша, тебе ещё примеры надо решить, домой!

И так почти каждый вечер, пока не наступала зима.

Зимой мы придумывали другие развлечения.

Почему сейчас люди не собираются по вечерам во дворах, а сидят по своим камерам – квартирам? Почему соседи по лестничной площадке даже не знакомы друг с другом? Куда делась великолепная дворовая игра домино?

Да... Неповторимый дух того времени утерян навсегда и, боюсь, безвозвратно!

Люди стали обособленными, злыми и, поэтому предельно одинокими и тревожными.

Я знала всех соседей по дому не только в лицо, но и по именам.

Дворовая дружба пацанов и девчат считалась самой крепкой, по крайней мере, класса до шестого...

У каждого квартала была своя ватага со своим лидером. Если, например, десятилетний пацан нарушал границу и, может быть, совершенно случайно забегал на чужую территорию, то тут же подвергался экзекуции – избиению. Били его обычно до первой крови, чтобы в следующий раз неповадно было.

Мне же позволялось гулять где угодно и когда угодно, поскольку меня все знали, я ведь – чемпионка, гордость школы, да и любимица всего Харцызска...

Стою в центре нашего двора: нет ни одного доминошного стола, нет песочницы, нет скамеек, нет ничего. Есть бурьян по колено и подобие детской площадки, построенной скорее для экстрима, чем для детей!

Наверное, если бы я не эвакуировалась в Израиль, то изменения в нашем дворе проходили бы постепенно, не чувствовалось бы сейчас такого контраста, колющего глаз. Тем не менее, даже через столько лет я люблю мой незабываемый двор и дом, кажущийся родным.

Параграф 7.

Железнодорожный вокзал

У нас ещё пара часов до темноты. Можно прогуляться по городу. Направляемся на легендарный железнодорожный вокзал. В маленьких городках вокзал, без всякого сомнения, является местной достопримечательностью. В моей памяти столько ярких воспоминаний, связанных с этим интересным местом.

Если из Харцызска до Донецка народ добирался на автобусе за полчаса, то в другие города можно попасть только по железной дороге. Поэтому для меня вокзал стал окном в другой мир. Путешествовать на поездах я начала с раннего детства.

Во-первых, мы с сестрой почти каждое лето отправлялись куда-нибудь к родственникам в Крым или на Сумщину.

Во-вторых, соревнования по спортивной акробатике всегда проводились в разных городах необъятной Украины, куда добраться можно только поездом.

Таким образом, за свою более чем десятилетнюю спортивную карьеру я объездила всю Украину, от Западенины до Крыма, от Одессы до Таганрога.

Атмосфера в вагоне всегда особая.

Люди, ставшие на некоторое время почти родственниками, откровенничают по полной программе. А почему бы

и нет?

Пассажир, час назад полностью открывший свою душу новым знакомым, сойдёт на следующей станции, а поезд пойдёт дальше. Встретит ли он когда-нибудь своих недавних попутчиков, так много узнавших про него? Скорее всего, нет! Поэтому вагон как психотерапевт, всё про всех знает, но посторонним ничего не рассказывает.

К родственникам обычно отправлялись втроем – я, сестра Света и мама. В поездках мама только и делала, что сдерживала мой неукротимый нрав, навсегда лишивший меня массы покоя. Больше всего нравилось ездить в плацкарте. Все дети, находившиеся в таком вагоне, не скованные границами купе, носились туда-сюда или забирались на третьи полки, устраивая там шумную возню. Их папы и мамы в это время баловались картишками, выпивали, закусывали и выкладывали друг другу сокровенное на блюдечке.

Другое дело, поездки на соревнования или на сборы.

Поскольку они проводились довольно часто, проходили по всей огромной Украине, то в поезде я обитала практически раз в два месяца, и так круглый год. Смело могу утверждать, что своё детство я не прожила, а промчалась в вагоне.

Ежедневные изнуряющие тренировки, шумный вокзал, душный вагон, всевозможные турниры, опять вагон, сборы, соревнования, – и так до бесконечности.

Обычно мы передвигались командой, человек 15—17, обязательно с тренером, иногда – с двумя. Всё проходило

чинно и спокойно, ведь мы советские спортсмены, а значит, мы – сама скромность, воспитанность, пример нравственности. В карты, в лото играть запрещено, я уже не говорю про пиво и сигареты, нельзя носиться по вагону и создавать шум. А что позволялось? Не возбранялось: тихонько сидеть в уголке около окна и беседовать с партнёрами об акробатических элементах.

Поскольку вся команда – это группа неисправимых фанатиков, влюблённых в акробатику, то нам нравилось, как зомбированным, часами напролёт обсуждать спортивные выступления, различные сложные элементы и способы их усовершенствования.

Иногда поезд опаздывал и нам приходилось по несколько часов торчать на многолюдном вокзале с огромными сумками. Чем тогда занимались?

А тем же самым – болтали, рассказывали анекдоты, хохотали.

Мне нравилась такая замкнутая на спорт атмосфера. Я и понятия не имела, что существует другое детство: различные кружки на станции юных техников, всевозможные интересные мероприятия в школьной пионерской организации, наконец, хорошие книги.

В голове сидел один спорт, только спорт и ничего, кроме спорта!

Ладно, вернёмся на маленький, уютный вокзал Харцызска. Конечно, он не выглядел огромным как, например, в Ки-

еве. Можно сказать, что это была совсем крошечная станция.

Почему была? Надеюсь, что наш уютный вокзал находится на привычном месте.

Подходим ближе. Вокзал там же, такой же маленький и до боли родной. Площадь перед ним чистая. И только голубые ели стали намного выше и величественнее. Оглядываюсь по сторонам и замечаю, что на привокзальной площади почти нет людей, как будто никто никуда не едет и никто ниоткуда не возвращается. В наше время площадь бурлила как муравейник, полная народу!

Выходим на перрон. Всё так же, как и раньше: те же лавочки в тени голубых елей и берёз, на путях такие же товарные вагоны с трубами, но их мало, а вот вагонов с углём – нет вообще.

Кстати, харцызский трубный завод являлся единственным в Советском Союзе, выпускающим трубы большого диаметра. Наверное, в наше время такие трубы никому не нужны, раз завод работает всего лишь на четверть своей мощности. Один бывший рабочий, а теперь пенсионер, рассказал, что раньше на Трубном трудилось порядка тридцати тысяч человек, а сейчас не наберётся и пяти тысяч.

Канатный завод, когда-то одно из градообразующих предприятий Харцызска, теперь находится в полном запустении. По-видимому, корабли спят неприкаянно в портах и не ходят по морям-океанам, и канаты им совершенно не нужны.

Когда-то большая фабрика пищевых концентратов тоже

закрота.

Вот и получается, что пути узловой станции практически пусты, лишь несколько вагонов с трубами – и всё, а когда-то здесь изнывали в очередях сотни вагонов с углём, трубами, кирпичом и много с чем ещё.

У меня нет щемящей ностальгии по советским временам, однако, согласитесь, что не всё выглядело так плохо тогда.

Иногда, когда нам, ребятне, надоедало слоняться по двору, мы бегали на станцию и, как обезьяны, лазали по вагонам с трубами, шныряли под составами, как мыши, носились по путям. Оказаться под колёсами маневрового поезда ничего не стило. Слава Богу, никто из моих детских друзей и знакомых не попал под поезд, но некоторым другим пацанам из соседних дворов не повезло. Пока родители горбатились на заводах, их непутёвые отпрыски находили себе игры, иногда – довольно опасные.

Сегодня подавляющее большинство детей прозябает дома за компьютерами, подвергая себя другой опасности – игровой зависимости, убегая от реальности.

Мы посидели немного на пустом перроне в тени голубых елей, прогулялись по пустому вокзалу, вышли на небольшую привокзальную площадь, сфотографировали на память маленький вокзал с надписью «Харцызск» и побрели дальше, грустные и усталые.

Параграф 8. Широкие улицы, жёлтые листья и голубые ели

Все города, построенные в степи на ровном месте, имеют широкие и прямые улицы. Мой город именно такой.

Наверное, если глядеть сверху, то Харцызск выглядит, как шахматная доска: прямые улицы, квадраты кварталов. По краям дорог проложены широкие аллеи с огромными тополями и другими деревьями. Надо заметить, что Харцызск – зелёный, чистый, ухоженный город. Кроме того, мне всегда нравилось, что он – малоэтажный. Конечно, можно утверждать, что пятиэтажные дома тоже высокие, но они, в отличие от высоток, не загораживают солнце и не придавливают человека к земле. Мой город, хотя и низкорослый, зато – светлый, зелёный, наполненный свежим воздухом!

Больше всего нравился город осенью. Летом всё зелено, но это однообразно; не то, что осенью – буйство красок, от ярко-красного до бледно-жёлтого! Дома просто теряются в листопаде, а аллеи и тротуары покрываются толстым слоем хрустящих, золотых и красных листьев.

Завораживает, когда осенние цвета тут и там конкурируют с голубизной елей, выросших со времён моего детства с пятиэтажный дом. Голубые ели, высаженные когда-то по всему городу и теперь превратившиеся в могучих великанов, придают паркам и аллеям торжественный вид!

Наверное, начальник, руководивший когда-то озеленением, слыл большим любителем голубых елей, коих в Харцызске теперь так много. Думаю, что это была правильная идея – посадить вечно-голубые ели и тем самым не оставлять город на зиму голым и угрюмым. Между прочим, зимой белый пушистый снег, лежащий на огромных лапах елей, придаёт улицам и паркам не меньшую сказочность. Опавших листьев осенью оказывалось так много, что дворники сгребали их в огромные кучи, доходившие иногда до двух метров высотой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.